

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ

Статья посвящена проблемам обеспечения гарантированных Конституцией РФ прав и свобод личности при производстве дознания, являющегося упрощенной формой предварительного расследования. Особое внимание обращено на реализацию при проведении дознания права подозреваемого на защиту, рассмотрены проблемные вопросы процессуальных сроков и избрания мер пресечения.

Упрощенные формы уголовно-процессуального производства, к коим относится и дознание, всегда были предметом научной дискуссии. При этом доводы противников упрощенных форм в основном сводились к тому, что они не обеспечивают качества расследования и рассмотрения уголовных дел, сопряжены с неизбежным ущемлением законных интересов участников уголовного процесса, не отвечают демократическим тенденциям уголовного судопроизводства, а сама мысль о существовании простых и ясных дел, очевидных преступлений субъективна, и способствуют предвзятости в их разрешении [1. С. 50; 2. С. 68–85; 3. С. 107–120; 4. С. 30–38].

Тем не менее научная мысль постоянно возвращалась к необходимости продолжения поиска оптимальных для различных категорий уголовных дел форм уголовного судопроизводства. Не вдаваясь в подробности теоретических споров по вопросу о понятии, допустимости, цели, пределах и критериях дифференциации процессуальной формы [1. С. 50; 2. С. 68–85; 5. С. 60–68; 6. С. 63–64; 7. С. 65; 8. С. 83–91; 9–11], заметим, что их итогом все же явилось признание целесообразности существования различных видов производства по уголовным делам, в том числе и упрощенных.

Поскольку дознание является формой предварительного расследования, то на него должны распространяться все предусмотренные уголовно-процессуальным законом гарантии прав участников процесса, действующие в досудебном производстве. Проблема гарантии прав участников уголовного процесса в ходе дознания, является даже более острой, чем при производстве следствия. Упрощенная процессуальная форма, ограниченность срока дознания в совокупности с безусловно менее высоким уровнем профессиональной подготовки дознавателей по сравнению со следователями сами по себе способны провоцировать увеличение числа нарушений прав и свобод участников уголовного процесса.

Принципиальное значение для рассматриваемого вопроса имеет указание в ст. 223 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) [12. Ст. 4921] о том, что дознание по уголовным делам, указанным в ч. 3 ст. 150 УПК РФ, производится в порядке, установленном гл. 21, 22, 24–29 Кодекса, хотя и с изъятиями, предусмотренными гл. 32. Это означает, что на процедуру дознания распространяются не только принципы уголовного процесса, но и общие условия предварительного расследования, а также общие правила производства всех следственных действий. Исключение составляют лишь правила о привлечении лица в качестве обвиняемого (гл. 23 УПК), поскольку это действие при дознании совпадает с окончани-

ем предварительного расследования. Однако именно это обстоятельство и придает определенное своеобразие процессуальным формам реализации при дознании некоторых принципов уголовного процесса.

Наиболее важным из конституционных прав участников уголовного процесса является право на защиту, рассматриваемое как предоставленный обвиняемому комплекс процессуальных полномочий для оспаривания обвинения. Ст. 16 УПК РФ указывает, что подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя. Суд, прокурор, следователь и дознаватель разъясняют подозреваемому и обвиняемому их права и обеспечивают им возможность защищаться всеми не запрещенными законом способами и средствами. Особенно показательно последнее дополнение о возможности использования всех незапрещенных средств и способов защиты. Сформулированное в точном соответствии с положениями ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации, оно отвечает духу действующего УПК РФ и подчеркивает особый статус подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, как лица, считающегося невиновным до тех пор, пока не доказано в установленном законом порядке обратное.

Указанное правило является следствием возложения уголовно-процессуальным законом бремени доказывания на сторону обвинения. Наиболее эффективно реализовать предоставленные ему законом права подозреваемый и обвиняемый могут с помощью защитника, который в силу обладания профессиональными познаниями и навыками сумеет распорядиться процессуальными возможностями с большей эффективностью. Поскольку обвиняемый в дознании, как правило, не участвует (за исключением ситуации, предусмотренной ч. 3 ст. 224 УПК РФ), то речь, главным образом, должна идти об обеспечении права на защиту лица, подозреваемого в совершении преступления.

Указания закона на этот счет предельно ясны. В соответствии с ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник участвует в дознании с момента возбуждения уголовного дела, поскольку в силу ст. 223 УПК РФ предварительное расследование в форме дознания производится по уголовным делам, возбужденным в отношении конкретных лиц. Таким образом, участие защитника с начала производства дознания, в отличие от следствия, происходит независимо от наличия других оснований, предусмотренных ст. 49 УПК РФ.

Это значит, что право лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело и начато дознание, на привлечение к участию в деле защитника является безус-

ловным, даже если в отношении него пока не применены меры процессуального принуждения и не совершаются никаких действий, затрагивающих его права и свободы. Возбудив уголовное дело, дознаватель в соответствии со ст. 11 УПК РФ обязан разъяснять подозреваемому его права, при этом подозреваемый при производстве дознания вправе пользоваться всей совокупностью предоставленных ему ст. 46 УПК РФ прав, несмотря на то что они прямо не указаны в гл. 32 Кодекса.

Говоря о гарантиях прав подозреваемого, следует особо остановиться на таком понятии, как момент фактического задержания. Именно с этого момента лицо становится подозреваемым и в соответствии со ст. 49 УПК РФ имеет право на допуск к участию в деле защитника. Однако закон оговаривает, что защитник допускается к участию в деле не просто с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, но в случаях:

а) предусмотренных ст. 91 и 92 УПК РФ, т.е. в случае задержания подозреваемого;

б) применения к нему в соответствии со ст. 100 УПК РФ меры пресечения в виде заключения под стражу, т.е. с момента ограничения свободы передвижения при взятии под стражу в зале судебного заседания при рассмотрении судом соответствующего ходатайства.

Буквальное толкование содержания этих положений ст. 49 УПК РФ позволяет думать, что лицо вправе требовать приглашения защитника уже в момент фактического лишения свободы передвижения, который не совпадает с моментом процессуального оформления факта задержания. В соответствии со ст. 92 УПК РФ дознаватель обязан составить протокол задержания в срок не более 3 часов с момента доставления подозреваемого в орган дознания. Не исключено, что протокол задержания так и не будет составлен – например, после доставления лица в орган дознания выясняется, что оно было следствием недоразумения. Таким образом, момент фактического задержания подозреваемого фиксируется лишь в случае составления протокола, в котором констатируются также основания, повлекшие задержание, и факт разъяснения принадлежащих подозреваемому прав. Именно с этого момента лицо получает возможность заявить о своем желании встретиться с адвокатом и получить его консультацию, следовательно, право на вступление в дело адвоката с момента фактического задержания ничем не обеспечено.

Объявив возможность участия защитника в деле с момента фактического задержания подозреваемого, законодатель, таким образом, не предусмотрел механизма его реализации. Как представляется, рассматриваемое положение закона не следует понимать буквально. Например, если лицо застигнуто работниками милиции в момент совершения преступления и задержано для доставления его в орган дознания, свобода его передвижения ограничивается уже в этот момент. Вполне понятно, что непосредственно в момент фактического задержания обеспечить вступление в дело адвоката невозможно. Поэтому право задержанного лица иметь защитника с момента фактического задержания следует понимать как обязанность работников органа дознания, осуществивших фактическое задержание, разъяснить лицу его процессуальный статус подозре-

ваемого и принадлежащие ему в связи с задержанием права, в том числе право на незамедлительное получение квалифицированной юридической помощи и право не отвечать на вопросы. После доставления в орган дознания задержанному должна быть обеспечена возможность пригласить адвоката, если он называет кого-либо конкретно, как лицо, от которого он желал бы получить юридическую помощь, или получить юридическую консультацию от адвоката, приглашенного органом дознания.

Предоставление права на получение юридической помощи не должно обуславливаться составлением протокола задержания. Независимо от того, будет ли составлен такой протокол, само доставление лица в орган дознания свидетельствует о начале уголовного преследования, ставит лицо в положение нуждающегося в квалифицированной юридической помощи. Такое понимание ст. 92 УПК РФ, вытекающее из постановления Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П, принятого по жалобе гражданина В.И. Маслова [13. Ст. 2882], соответствует конституционным положениям о праве на защиту.

Следует отметить, что законодатель создал достаточно эффективную гарантию права подозреваемого на защиту с момента фактического задержания. Ст. 75 УПК гласит о том, что показания подозреваемого, обвиняемого не имеют значения допустимого доказательства и, следовательно, не могут использоваться для обоснования обвинения, если допрос производился в отсутствие защитника. Тем самым дознаватель побуждается к соблюдению права подозреваемого на защиту, а его нарушение становится бессмысленным с точки зрения осуществления уголовного преследования.

Однако реализации подозреваемым этих прав могут препятствовать некоторые положения действующего УПК. Так, например, право подозреваемого на защиту обеспечивается разъяснением и предоставлением ему возможности самостоятельно или с помощью близких или иных родственников избрать себе защитника. Однако в случае задержания подозреваемый по понятным причинам не в состоянии реализовать право на самостоятельное приглашение защитника и может рассчитывать лишь на помощь близких ему лиц. Ст. 96 УПК РФ предусматривает, что дознаватель должен уведомить родственников подозреваемого о произведенном задержании или предоставить возможность такого уведомления самому подозреваемому не позднее 12 часов с момента задержания. Эта обязанность дознавателя направлена не только на обеспечение естественного права близких задержанному лиц знать, где он находится, но и является гарантией обеспечения права подозреваемого на защиту. Получив уведомление (форма которого законом не предусмотрена, но думается, что лучше и быстрее всего обеспечивает достижение указанной цели сообщение по телефону), родственники или иные близкие задержанному лица имеют возможность пригласить задержанному адвоката.

Однако ч. 4 ст. 96 УПК предусматривает исключение из этого правила, сводящее на нет гарантию права на защиту. При необходимости сохранения в интересах расследования в тайне факта задержания дознаватель с согласия прокурора вправе не уведомлять родственни-

ков подозреваемого о произведенном задержании. Таким образом, лишенный всякой связи с внешним миром, подозреваемый не в состоянии не только избрать того защитника, которому он мог бы доверять, но и лишен помощи в решении этого вопроса со стороны своих родственников.

Между тем ст. 46 УПК РФ категорична – подозреваемый должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента его задержания и лишь после обеспечения ему возможности получить совет адвоката. Смысл этой категоричности в необходимости предоставить задержанному возможность защищаться путем дачи объяснений по поводу обстоятельств, повлекших его задержание. Запрет на уведомление родственников задержанного создает серьезные препятствия реализации этого права подозреваемого. В этих условиях положения ч. 2 ст. 75 УПК РФ, согласно которым данные в отсутствие защитника показания подозреваемого рассматриваются в качестве недопустимого доказательства, даже если подозреваемый от защитника отказался, будут служить не гарантией права на защиту, а обстоятельством, побуждающим дознавателя к формализму. Не обеспечив подозреваемому права свободного выбора адвоката, дознаватель будет стремиться во всех случаях допрашивать подозреваемого в присутствии того адвоката, которого сам же и пригласит и которому подозреваемый, по понятным причинам, не особенно доверяет.

Таким образом, обязанность обеспечить участие адвоката в допросе подозреваемого мало того, что создает большие трудности в работе дознавателей, но и сама по себе способна выступить причиной нарушения прав задержанного, что хотя и парадоксально, но в сложившихся условиях практически неизбежно.

Некоторые особенности при осуществлении расследования в форме дознания присущи процедуре применения мер пресечения. Прежде всего эти особенности касаются избрания в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу.

Согласно ст. 224 УПК РФ, если в отношении подозреваемого была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, то обвинительный акт составляется не позднее 10 суток со дня заключения подозреваемого под стражу. Однако по общему правилу, установленному ч. 1 ст. 100 УПК РФ, данный 10-дневный срок исчисляется не только со дня заключения под стражу, но если имело место задержание подозреваемого, то с момента задержания. Вряд ли главой 32 УПК РФ установлен другой, более длительный срок. Скорее всего, это упущение законодателя и 10-дневный срок для предъявления обвинения в ходе дознания следует отсчитывать как и при производстве предварительного следствия, т.е. с момента фактического задержания подозреваемого, если оно предшествовало избранию меры пресечения в виде заключения под стражу. Для устранения данной неопределенности и обеспечения единообразия практики дознания ч. 2 ст. 224 УПК РФ следует дополнить положениями, аналогичными содержащемуся в ч. 1 ст. 100 УПК РФ правилу об отсчете 10-дневного срока с учетом срока задержания.

Составление обвинительного акта в 10-дневный срок и сокращение срока дознания ст. 224 УПК РФ предусмотрено только для случая избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. При примене-

нии других мер пресечения таких сокращенных сроков данная норма не содержит, что противоречит положениям главы 13 Кодекса. Содержащаяся в ней ст. 100 говорит о применении к подозреваемому любой меры пресечения, а не только заключения под стражу. В соответствии с данной нормой при применении к лицу любой меры пресечения (подписки о невыезде, залога и др.) обвинение ему должно быть предъявлено не позднее 10 суток с момента применения этой меры, в противном случае мера пресечения отменяется.

Ст. 224 УПК РФ устанавливает иное правило, из буквального содержания которого следует иной срок действия любой меры пресечения, кроме заключения под стражу, равный сроку дознания. В связи с этим необходимо вновь обратиться к ст. 223 УПК РФ, согласно которой порядок производства дознания хотя и определяется главами 21, 22, 24–29 Кодекса, но с определенными, установленными в главе 32 изъятиями. При этом обоснованно возникает вопрос: является ли при производстве дознания увеличение срока действия в отношении подозреваемого мер пресечения (кроме заключения под стражу) таковыми изъятиями, определяющими особенности дознания по сравнению с предварительным следствием, или это очередной пробел в законе?

Ранее автор данной статьи занимал позицию, что подобная ситуация является изъятием, предусмотренным для института дознания главой 32 УПК РФ, которая является допустимой в связи с незначительностью ограничения прав подозреваемого [14. С. 226–233]. Эта точка зрения обосновывалась тем, что в случае применения меры пресечения в виде заключения под стражу закон предусматривает сокращение и без того небольшого срока дознания. По истечении 10 дней дознаватель должен составить обвинительный акт, либо предъявить обвинение, либо отменить меру пресечения. Поскольку последнее не всегда соответствует интересам расследования, остается одно из двух: составление обвинительного акта или предъявление обвинения. Составление обвинительного акта означает полное завершение дознания, что не всегда возможно в сокращенный срок (в течение 10 дней с момента задержания, часто совпадающего с моментом возбуждения уголовного дела). Следовательно, остается предъявление обвинения в установленном главой 23 УПК РФ порядке, т.е. выполнение всех процессуальных действий, образующих институт привлечения лица в качестве обвиняемого. Желание законодателя избежать превращения этого исключения в общее правило и отразилось на его установлении лишь для случаев, связанных с заключением под стражу. При этом предполагалось допустимым некоторое незначительное по времени оттягивание момента превращения подозреваемого в обвиняемого в случае применения иных мер пресечения, которые не столь строго ограничивают права и свободы личности.

Однако ситуация по этому вопросу существенно изменилась в связи с внесением в июне 2007 г. [15] ряда значительных поправок в главу 32 УПК РФ, в том числе увеличивающих срок дознания до 30 суток с возможностью его продления до 12 месяцев. В связи с данной новеллой применение ч. 2 ст. 224 УПК РФ в действующей редакции может привести (и неизбежно приведет) к тому, что при производстве дознания мера

пресечения, не связанная с лишением свободы подозреваемого, может сохраняться очень длительное время (до года) без предъявления лицу официального обвинения. С учетом массовости случаев, когда на практике меры пресечения, не связанные с лишением свободы и применяемые без процедуры предварительного судебного контроля, избираются стороной обвинения без наличия указанных в ст. 97 УПК РФ оснований, результатом применения ч. 2 ст. 224 УПК РФ будут значительные нарушения прав подозреваемого при дознании, который данной нормой поставлен в существенно худшие условия, чем подозреваемый, дело в отношении которого расследуется в форме предварительного следствия.

Изложенные доводы позволяют утверждать, что правило ч. 2 ст. 224 УПК РФ о необходимости составления обвинительного акта в течение 10 суток с момента избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, а также последствия несоблюдения этого срока, указанные в ч. 3 данной статьи, должны распро-

страняться на случаи избрания любой меры пресечения, а не только при аресте подозреваемого.

С учетом приведенных аргументов предлагается изменить ч. 2 ст. 224 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «...2. Если в отношении подозреваемого была избрана мера пресечения, то обвинительный акт составляется не позднее 10 суток со дня ее избрания, а если подозреваемый был задержан, а затем заключен под стражу, обвинительный акт составляется не позднее 10 суток с момента задержания».

Рассмотренные проблемы применения органами дознания процессуальных мер, сопряженных с ограничением конституционных прав и свобод участников уголовного процесса, позволяют сделать вывод, что вопрос правового регулирования дознания в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ, а также практика применения закона требуют дальнейшего изучения с целью выработки рекомендаций по улучшению института дознания, в том числе и по совершенствованию правовых норм, его регулирующих.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Строгович М.С.* О единой форме уголовного судопроизводства и пределах её дифференциации // Социалистическая законность. 1974. № 9. С. 50.
2. *Элькинд П.С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. 142 с.
3. *Стецовский Ю.И.* К вопросу о процессуальной форме советского уголовного судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1975. Вып. 23. С. 107–120.
4. *Лукашевич В.З.* На суд не следует возлагать функцию расследования преступлений // Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. Калининград, 1977. Вып. 5. С. 30–38.
5. *Рахунов Р.Д.* Дифференциация уголовно-процессуальной формы по делам о малозначительных преступлениях // Советское государство и право. 1975. № 12. С. 60–68.
6. *Рахунов Р.Д.* Проблемы единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. Вып. 29. С. 63–64.
7. *Арсеньев В.Д.* Упрощение неравнозначно упрощенчеству // Социалистическая законность. 1975. № 10. С. 65.
8. *Гуляев А.П.* Единый порядок предполагает дифференциацию // Социалистическая законность. 1975. № 10. С. 83–91.
9. *Якуб М.Л.* Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. 144 с.
10. *Трубникова Т.В.* Теоретические основы упрощенных судебных производств. Томск, 1999. 142 с.
11. *Ленский А.В. и др.* Дифференциация уголовного процесса / Под ред. М.С. Свиридова. М.: Экон. образование, 2000. 336 с.
12. *Российская Федерация.* Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г.; по состоянию на 6 июня 2007 г.] // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
13. *Российская Федерация.* Судебная практика. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // СЗ РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.
14. *Сучков А.В.* Проблемы применения органами дознания процессуальных мер, сопряженных с ограничением конституционных прав и свобод участников уголовного процесса // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: Сб. науч. ст. / Под ред. В.А. Лазаревой. Самара: Самарский университет, 2004. 268 с.
15. *Российская Федерация.* Законы. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 18 мая 1007 г. № 90-ФЗ] // Российская газета. 2007. 9 июня.

Статья представлена научной редакцией «Право» 12 сентября 2007 г.